

© 1997 г.

К ВОПРОСУ О КУБАНСКОМ ОЧАГЕ РАННЕСКИФСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Келермесские, краснознаменские и другие древности, количество которых заметно возросло за последние годы, служат убедительным подтверждением гипотезы М.И. Ростовцева о приоритетной роли Северного Кавказа в древнейшей истории европейских скифов¹. На сегодняшний день в трех территориально-географических зонах этого региона (Прикубанье, Центральный и Северо-Восточный Кавказ) насчитывается не менее 50 скифских захоронений VII–VI вв. до н.э., среди которых имеются богатейшие усыпальницы кочевнической знати, в том числе и участников героических переднеазиатских походов².

В степной же части северопонтийской Скифии раннеархаических могил значительно меньше, кроме того, они, как правило, более скромные, зачастую лишенные индивидуальных курганных насыпей и не образуют компактных родовых кладбищ³.

О многом говорит и то обстоятельство, что Северный Кавказ, а точнее территории Ставрополя и Прикубанья, на протяжении VII–V вв. до н.э. входили в ареал распространения каменных антропоморфных изваяний скифского типа. Вполне вероятно, что эти памятники, изображающие, по-видимому, обожествленных предков, фиксируют места кочевнических ставок, в которых были сосредоточены общественно-политическая и религиозные сферы жизни отдельных кочевнических объединений⁴.

Противники скифской этнической атрибуции келермесских и других больших закубанских курганов архаической поры апеллируют обычно к Геродоту, проводившему восточную границу Скифии по Танаису, за которым, по его словам, уже не скифская земля⁵. Воспринимая сообщения «отца истории» как незыблемое свидетельство, не подверженное изменениям и приложимое ко всему периоду господства скифов на юге Восточной Европы, они в то же время скептически относятся к другим письменным источникам. Между тем еще М.И. Ростовцев сумел увидеть «рациональное зерно» в сочинениях ионийских авторов VI–V вв. до н.э. (Гекатей

¹ *Rostovtzeff M. Iranians and Greeks in South Russia. Oxf., 1922. P. 41, 42; Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 21, 22, 302 сл.*

² *Мурзин В.Ю. Скифы на Северном Кавказе // Археология. 1978. 27; он же. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев, 1990. С. 47–50; Махортых С.В. Скифы на Северном Кавказе. Киев. 1991. С. 114–117.*

³ *Мурзин В.Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев, 1984. С. 12 сл.; он же. Происхождение скифов... С. 51; Дубовская О.Р. Раннескифские погребения у ст. Новокорсунской // СА. 1990. № 4. 188.*

⁴ *Петренко В.Г. О юго-восточной границе скифских каменных изваяний // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С. 158, 172; Белозор В.П. Скифские каменные изваяния VII–IV вв. до н.э.: Автореф. дис ... канд. ист. наук. Киев, 1986. С. 6.*

⁵ *Herod. IV. 28.*

Милетский, Гелланик⁶), вследствие чего пришел к заключению, что древнейшее греческое предание отнюдь не ограничивало владения этих могущественных номадов северопонтийскими степями. Согласно этому преданию их следует рассматривать в ближайшей связи с Кавказом и Закавказьем. Аналогичные представления «царили», по выражению М.И. Ростовцева, в произведениях Эсхила (526–456 гг. до н.э.) и Софокла⁷. Эсхил в «Прикованном Прометее» упоминает «многочисленные племена скифов, обитающие на краю земли вокруг Меотийского озера»⁸, а философ Сократ, как передает Ксенофонт (ок. 434–355 гг. до н.э.), говорил о том, что в Европе скифы господствуют, а меоты им подвластны⁹. Достоверность последнего утверждения применительно к определенным областям Среднего Закубанья раннескифской эпохи доказывает археология, в частности Келермесский могильник¹⁰.

У Дионисия (II в. н.э.) в перечне народов, живущих за Танаисом, фигурируют меоты, которых он помещает вблизи Меотиды, и скифы, населяющие прибрежные районы Северного Каспия¹¹. Однако Евстафий Фессалоникский (XII в.) в комментарии к землеописанию Дионисия, оспаривая тезис Геродота об отсутствии скифских земель за Танаисом, подчеркивает, что ведь и «меоты – тоже скифский народ, очень многочисленный и сильный, занимающийся земледелием и войной»¹². Аналогичную трактовку меотов приводит в своем географическом словаре Стефан Византийский¹³.

Чтобы понять, о каких меотах скифского происхождения идет речь, необходимо хотя бы вкратце остановиться на меотской проблематике. Самые ранние известия о коренных обитателях Северо-Западного Кавказа встречаются у Гекатея Милетского (VI в. до н.э.), упомянувшего в перечне европейских народов иксиватов (яksamатов. – Л.Г.), живущих у Понта, а также типаниссов и дандариев, обитающих у Кавказа¹⁴. Комментируя эти свидетельства, Б.Н. Граков заострил внимание только на том, что этот хорошо осведомленный, по общему мнению, логограф не знал никакого скифского племени в бассейне р. Кубани; но у него не фигурируют там и меоты¹⁵. Поэтому, вопреки утверждению В.П. Шилова¹⁶, дандарии Гекатея отнюдь не равнозначны меотам, ибо такое представление об этих племенах свойственно позднейшей античной традиции, локализующей их к тому же не на Кавказе, а в Приазовье¹⁷.

В свое время А.Ю. Алексеев и автор этих строк, сопоставив данные разных нарративных источников, высказали предположение о возможном изменении первоначального места обитания дандариев и переселении их к VI–V вв. до н.э. из глубин Закубанья к низовьям Кубани по соседству с синдами и досхами¹⁸. Кстати, аналогичная судьба постигла и язаматов, которые из-за экспансии Боспора на Та-

⁶ SC. I. C. 1, 2, 436.

⁷ Ростовцев. Скифия... С. 20, 21.

⁸ SC. I. C. 333.

⁹ Там же. С. 358.

¹⁰ Галанина Л.К. К проблеме взаимоотношений скифов с меотами (По данным новых раскопок Келермесского курганного могильника) // СА. 1985. № 3. С. 156 сл.; Галанина Л.К., Алексеев А.Ю. Новые материалы к истории Закубанья в раннескифское время (По данным келермесских комплексов) // АСГЭ. 1990. Вып. 30. С. 50–53; Галанина Л.К. Келермесские древности в этнокультурном аспекте // II Кубанская археологическая конф. Тез. докл. Краснодар, 1993. С. 20–22.

¹¹ SC. I. C. 186.

¹² Там же. С. 193.

¹³ Там же. С. 262; об античной традиции, локализующей скифов к югу от Кавказа, и об археологических обоснованиях факта их внедрения в местную закавказскую среду в период переднеазиатских походов этой группы кочевников см. Есаян С.А., Погребова М.Н. Скифские памятники Закавказья. М., 1985. С. 7–12, 133–136.

¹⁴ SC. I. C. 1.

¹⁵ Граков Б.Н. Скифы. Научно-популярный очерк. М., 1971. С. 119.

¹⁶ Шилов В.П. О расселении меотских племен // ВА. 1950. XIV. С. 109.

¹⁷ SC. I. C. 489.

¹⁸ Галанина, Алексеев. Ук. соч. С. 51.

манский полуостров (V–IV вв. до н.э.) вынуждены были передвинуться с понтийского побережья Синдики в Приазовье¹⁹.

Фактически впервые термин «меоты» употребил Геродот в контексте с описанием маршрута войска Дария, вторгшегося в 512 г. до н.э. в пределы Скифии. Преследуя отступавшего в глубь страны противника, персы, по Геродоту, попали к фиссагетам, жившим у истоков четырех крупных рек (Лик, Оар, Танаис, Сиргис), протекавших через «область меотов» и впадающих в Меотиду²⁰. Затем интересующий нас этнимом промелькнул у Гелланика (V в. до н.э.), утверждавшего, что, когда проплываешь Боспор, будут синды, а выше их меоты и скифы²¹. В перипле Псевдо-Скилака (IV в. до н.э.) среди прибрежных жителей Меотиды и более южных районов названы меоты, за ними синды, потом керкеты и ахеи²².

Вместе с тем уже с IV в. до н.э., как показывают эпиграфические памятники с титулатурой боспорских правителей, намечается тенденция перенесения термина «меоты» на соседние с ними и даже более отдаленные племена, населявшие правобережную и левобережную части Кубани²³. Дальнейшее расширение понятия «меоты» отражено в «Географии» Страбона (I в. до н.э. – I в. н.э.), который пользовался сведениями из более ранних источников III–II вв. до н.э., где говорится (XI.2.11), что к числу меотов принадлежали («сами Синды, затем Дандарии, Торбаты, Агры и Аррихи, а также Тарпиты, Обидиакены, Ситтакены, Досхи» и некоторые другие племена, в том числе и «Аспургианы, живущие ... между Фанагорией и Горгиппией»²⁴.

Некоторые исследователи склонны видеть в меотах не этническое, а географическое понятие. Но значительно чаще меоты воспринимаются как этнически родственные образования, принадлежащие в основном к иберо-кавказской языковой семье и являющиеся отдаленными предками современных адыгов²⁵. В последние годы Л.И. Лавров, отстаивавший ранее концепцию меотских корней адыго-черкесских народов, пришел к заключению, что на роль протоадыгов могут с полным правом претендовать только зихи и ахеи. Вслед за В.И. Абаевым он признает ираноязычные дандариев и аспургиан, но кроме того и тех этнических единиц, в наименовании которых присутствует окончание на «ты» – признак множественного числа, а это – меоты, яксматы, фаты, тарпиты (ср., например, сколоты, сарматы, массагеты и т.д.)²⁶; высказана также гипотеза о присутствии в Закубанье индоарийских компонентов²⁷. Н.Л. Членова считает, что существование в этом регионе индоариев никак не может исключить пребывание там древних абхазо-адыгов, представленных киммерийскими племенами²⁸. Среди исследователей, включающих Закубанье в зону обитания киммерийцев, следует назвать и М.И. Артамонова²⁹, а также других скифологов и кавказоведов³⁰.

¹⁹ Каменецкий И.С. О язматах // Проблемы скифской археологии. МИА. 1971. 177. С. 166–168.

²⁰ Herod. IV. 123.

²¹ SC. I. С. 436.

²² Там же. С. 279.

²³ Шилов. Ук. соч. С. 106–188.

²⁴ SC. I. С. 133.

²⁵ Анфимов Н.В. К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху // СА. 1949. № 11. С. 258–260; Шилов. Ук. соч. С. 110 сл.; Токарев С.А. Этнография народов СССР. М., 1958. С. 221 и др.

²⁶ Лавров Л.И. Историко-географические очерки Кавказа. Л., 1978. С. 38, 39.

²⁷ Трубачев О.Н. Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате Северного Кавказа в античное время // ВДИ. 1978. № 4. С. 36 сл.

²⁸ Членова Н.Л. Оленные камни как исторический источник (На примере оленных камней Северного Кавказа). Новосибирск, 1984. С. 76 сл.

²⁹ Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы. Л., 1974. С. 18 сл.

³⁰ Крупинов Е.И. Киммерийцы на Северном Кавказе // МИА. 1958. № 68. С. 194; Дударев С.Л. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный, 1991. С. 35–40; Виноградов В.Б., Махортых С.В. Киммерийцы и Северный Кавказ // II Кубанская археологическая конф. С. 12–14.

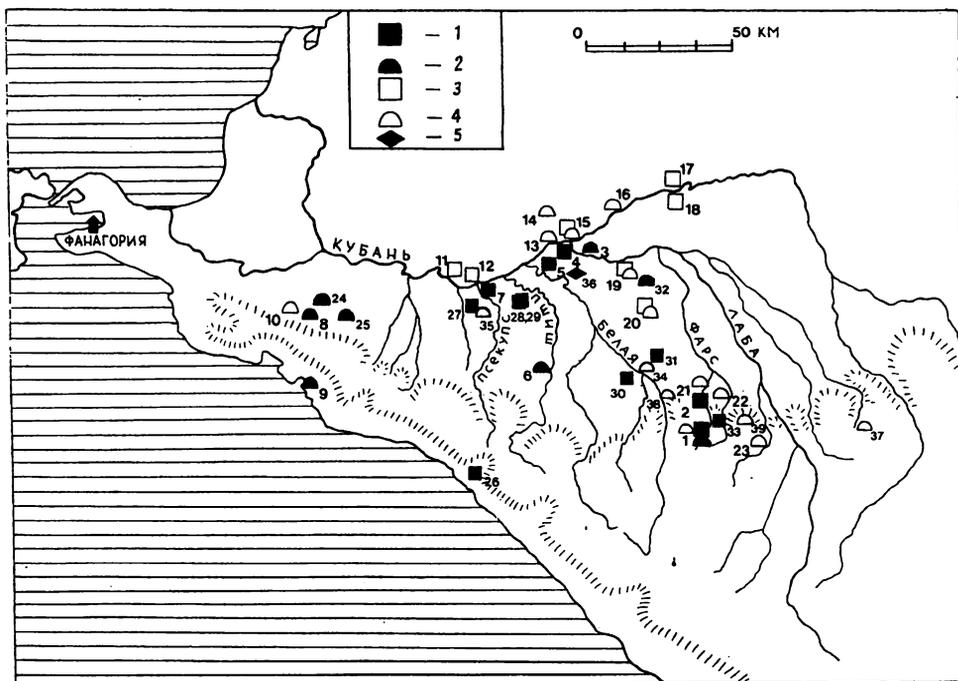

Рис. 1. Карта памятников пред- и скифского времени в бассейне р. Кубани: а – грунтовые могильники VIII – первой половины VII вв. до н.э., б – курганные захоронения VIII – первой половины VII вв. до н.э., в – грунтовые могильники середины VII–VI вв. до н.э., г – курганные захоронения середины VII–VI вв. до н.э., д – поселение IX–V вв. до н.э.

1 – могильник на р. Фарс; 2 – могильник Ясенева Поляна; 3 – курган 3 у ст. Некрасовской; 4 – Кубанский могильник; 5 – Николаевский могильник; 6 – курган 5 у ст. Гурийской; 7 – Псекупский могильник I; 8 – Абинский могильник; 9 – Геленджикские курганы; 10 – курганы 1,2 у ст. Крымской; 11 – погребение у хут. Ленина; 12 – Пашковский могильник 3; 13 – курган 17 у ст. Воронежской; 14 – ст. Раздольная; 15 – Усть-Лабинские могильники 2 и 3, курган 30; 16 – курган 22 у ст. Ладожской; 17 – Тбилисский могильник 2; 18 – Ново-Пеховский могильник; 19 – Ульский и Уляпские могильники; 20 – Келермесский могильник; 21 – комплекс у ст. Махшевской; 22 – Костромской курган; 23 – Бесленевский курган 27; 24 – Черноключевский могильник; 25 – Холмский могильник; 26 – могильник в районе Туапсе; 27 – могильник у хут. Казазово; 28 – могильник Пшиш I, 29 – могильник Чижхо; 30 – могильник Кочипе близ Майкопа; 31 – Кужорский могильник; 32 – курган Уашхиту; 33 – Хамкетинский могильник; 34 – Говердовский курган; 35 – курган Четук; 36 – поселение Красновардейское II; 37 – курган у ст. Подгорной; 38 – курганы у ст. Тульской; 39 – курган у ст. Губской

Огромный археологический материал, далеко не в полной мере опубликованный и не подвергнутый должному научному обобщению, говорит о существовании на Северо-Западном Кавказе с IX–VIII вв. до н.э. довольно однородной и специфичной культуры, не лишенной и локальных особенностей. Основной фонд этой культуры составляют грунтовые могильники и поселения, свойственные оседлым земледельческо-скотоводческим племенам (рис. 1).

Согласно данным И.С. Каменецкого, выделяется 10–12 локальных групп, что приблизительно соответствует числу меотских этнонимов, упоминаемых в письменных источниках³¹. Однако до сих пор нет всеобъемлющей этнографической панорамы бассейна р. Кубани в скифо-сарматский период. Единственная попытка создания такой

³¹ Каменецкий И.С. Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // Археология СССР. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 226.

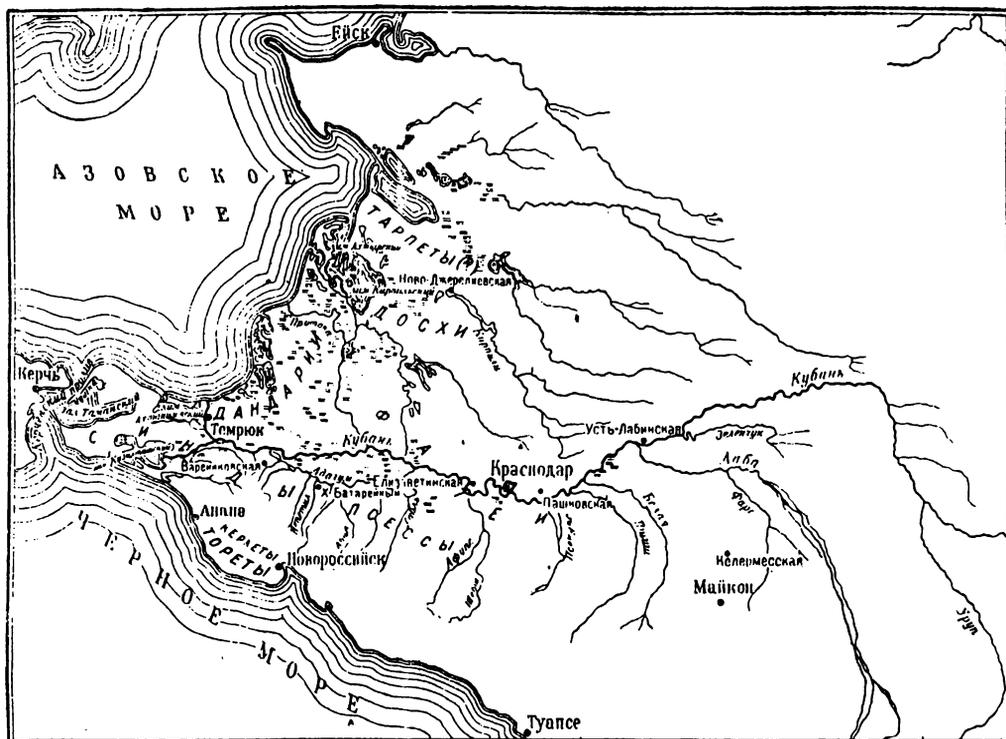

Рис. 2. Карта расселения меотских племен по данным Страбона (по В.П. Шилову)

карты с учетом археологических материалов была предпринята В.П. Шиловым, однако глубинный восточный район Закубанья остался практически не идентифицированным ни с одним из известных античному миру племен (рис. 2)³². Между тем именно на Левобережье Кубани засвидетельствованы ранние проявления той культуры, которую Н.В. Анфимов назвал протомеотской³³. По мнению Э.С. Шарафутдиновой, одним из слагаемых меотского этно- и культурогенеза могла быть местная кубанская культура кобяковского типа эпохи поздней бронзы. Автор также считает, что помимо внутреннего развития данный процесс стимулировался и внешними импульсами как со стороны степных кочевников, так и соседних кобанцев³⁴.

Просачивание степных элементов на Северо-Западный Кавказ продолжалось и в предскифский период. Ряд исследователей считает возможным говорить об инфильтрации в это время киммерийцев в аборигенную среду, с которыми они связывают инновации в погребальном обряде (вытянутое положение умерших), находки оленных камней, появление культа всадничества, распространение определенных элементов материальной культуры, в том числе и предметов переднеазиатского импорта³⁵.

Следующий переломный этап в истории Северо-Западного Кавказа связан с осе-

³² Шилов. Ук. соч. С. 122. Рис. 2.

³³ Анфимов Н.В. Протомеотский могильник у с. Николаевского // СМД. 1961. II. С. 119; он же. Сложение меотской культуры и связи ее со степными культурами Северного Причерноморья // Проблемы скифо-сарматской археологии. МИА. 1971. № 177. С. 176.

³⁴ Шарафутдинова Э.С. К вопросу о местных традициях эпохи поздней бронзы и социальной градации в протомеотском погребальном обряде // ПОИПА. Тез. докл. Донецк, 1989. С. 140 сл.; она же. О социальной градации в протомеотском обряде // КСИА. 1991. Вып. 203. С. 54.

³⁵ Членова. Ук. соч. С. 8; Дударев. Ук. соч. С. 36 сл.

данием там отдельных скифских групп, непосредственное взаимодействие с которыми способствовало приобщению местного общества к кругу культур скифского типа. Наиболее ценную информацию о появлении скифов в Предкавказье донес до нас Диодор Сицилийский (I в. до н.э.). Основываясь на ранних ионийских источниках, он привел (II.43) несколько отличный от Геродота вариант скифской этногонической легенды, согласно которой эти кочевые племена, обитавшие сначала в небольшом количестве у реки Аракс, затем «приобрели себе страну в горах до Кавказа, а в низменностях побережья Океана и Меотийского озера и прочие области до реки Танаида». Впоследствии они подчинили себе обширные земли за Доном до Фракии и, «направив военные действия в другую сторону, распространили свое влияние до египетской реки Нила»³⁶.

Но вопреки версии Диодора центральноазиатские номады, под которыми мы подразумеваем носителей второй волны протоскифской культуры, по данным археологии, согласно В.Ю. Мурзину³⁷, появились в Северном Причерноморье и Предкавказье фактически одновременно. В северопонтийском регионе это событие документируют находки скифских наконечников стрел в захоронениях у с. Енджи и г. Белогорадец³⁸, а также Стеблевский курган на Днепре³⁹, на Северном Кавказе – памятники со смешанным новочеркасско-скифским инвентарем. Таковы погребения у Лермонтовского разъезда близ Пятигорска, курган у хут. Алексеевского на Ставрополье, комплекс предметов из станицы Махошевской в Закубанье, а также крупные наконечники стрел, встреченные в окрестностях с. Бажиган близ Грозного, в предгорьях Чечни и Ингушетии и ряде пунктов Дагестана⁴⁰.

Топография предкавказских древностей говорит сама за себя: пришельцы двигались по направлению к перевалам Большого Кавказского хребта, за которым открывался путь в Закавказье и Переднюю Азию. Судя по немногочисленности и характеру самих памятников, движение это отличалось стремительностью и сопровождалось стычками с местным населением, о чем свидетельствуют сожженные селения в Чечне и Дагестане⁴¹ и упомянутые выше находки стрелкового оружия, локализующиеся в основном в Западном Прикаспии.

Но, как показывают материалы келермесских и других предкавказских курганов (у станицы Крымской, Краснознаменский 1, Нартанские 9 и 12, а также 1 из группы Новозаведенное 1), интенсивное освоение скифами кобанских и меотских земель началось около середины VII в. до н.э. Присутствие в этих комплексах весьма представительной коллекции импортной торевтики эпохи Ашшурбанапала (669–639/627 гг. до н.э.)⁴² и в то же время полнейшее молчание клинописных хроник этого периода о кочевниках-шкуда пока не находят конкретного объяснения. Можно все же предполагать, что произошли какие-то изменения в расстановке политических сил, неблагоприятные для пришельцев, что и побудило отдельные группы номадов вновь перебазироваться в равнинные и предгорные районы к северу от Кавказа вплоть до Днепровской лесостепи (Мельгуновский курган). Исход древнейших контингентов скифов поколения Ишпакая-Партатуа из Передней Азии начался, по-видимому, в первое десятилетие правления Ашшурбанапала, не позднее 660 г. до н.э.

³⁶ SC. I. С. 458 сл.

³⁷ Мурзин. Происхождение скифов... С. 26.

³⁸ Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976. С. 35, 43. Рис. 9, 16.

³⁹ Клочко В.И., Скорый С.А. К вопросу о древнейших скифских памятниках в Восточной Европе // ССМ ПАССМ. 1989. Ч. I. С. 105–107.

⁴⁰ Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев, 1983. С. 22 сл.

⁴¹ Козенкова В.И., Крупнов Е.И. Исследования Сержень-Юртовского поселения (По раскопкам 1964 г.) // КСИА. 1966. 106. с. 87.

⁴² Галанина Л.К. Контакты скифов с ближневосточным миром (По материалам Келермесских курганов) // АСГЭ. 1991. 31. С. 15 сл.; Петренко В.Г. К вопросу о хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья // ПССА. М., 1990. С. 69; Махортых. Скифы ... С. 76.

Вернувшиеся из походов войны, явно уже утратившие привычку к постоянному кочеванию, сохранили, однако, потребность в существовании за счет присвоения продуктов чужого труда. И хотя Предкавказье значительно уступало в социально-экономическом отношении преднеазиатским цивилизациям, ремесленно-производственные мощности кобанского и меотского миров, веками налаженный земледельческо-скотоводческий хозяйственный уклад местного населения создавали необходимые предпосылки для удовлетворения жизненных нужд номадов. Очевидно, ориентация на полукочевой образ жизни послужила причиной того, что предпочтение было отдано трем экологическим зонам: в районе Кабарды, Ставрополя и Среднего Закубанья (преимущественно в пределах Адыгеи). Именно здесь сосредоточено больше всего собственно скифских погребений (курганов), а также могильников и поселений местного населения с разнообразными проявлениями элементов скифской культуры. Некоторые исследователи разделяют даже весьма гипотетическую идею В.Б. Виноградова о локализации в этом регионе Скифского царства Партатуа, упоминаемого в ассирийских источниках⁴³.

Взаимоотношения кобанцев и меотов со скифами, стремившимися установить военно-политическое господство над аборигенами, складывались неоднозначно. Выше говорилось о далеко не дружественном приеме первых скифских отрядов со стороны обитателей Западного Прикаспия. Вместе с тем существуют и факты совершенно противоположного рода. Так, внедрение степных элементов в местную среду и установление между ними партнерских отношений засвидетельствовано археологическими материалами из ряда пунктов Центрального Предкавказья⁴⁴. Интересные результаты дал анализ краниологических остатков из могильника Уллубаганлы в Карачаево-Черкессии. Выяснилось, что в VII–VI вв. до н.э. между местными жителями и пришлыми номадами (обладавшими соответственно черепами кавкасианского и степного типов) было установлено своеобразное разделение труда – первые занимались ремеслами, а вторые выступали в качестве профессиональных воинов. По мнению автора раскопок этого памятника, нет никаких причин сомневаться в смешанном этническом составе данного общества⁴⁵.

Сходная ситуация сложилась и на Левобережье Кубани в округе нынешней станции Келермесской. Здесь обосновалась сильная в военном отношении скифская дружина из числа, по-видимому, важных политических фигур переднеазиатского похода эпохи Партатуа. Общая картина Келермесского могильника характеризует местную общественную среду как двуэтничное военно-политическое образование во главе со скифской воинской аристократией. Могущественные номады могли обеспечивать защиту подвластного им населения от посягательств других группировок кочевников. Взамен они имели воинское пополнение в виде пехотинцев и всадников (рядовые мужские и женские погребения с конем и оружием), а также хлеб (обломки зернотерки в женской могиле), глиняную посуду и другие изделия. Несмотря на тесное взаимодействие обе группы населения оставались верными своим родовым традициям, что сказалось в специфических особенностях погребального обряда келермесских комплексов⁴⁶. Не исключено, что отражением бинарной этнической структуры данного коллектива является обычай размещения жертвенных коней двумя группами, наблюдаемый в наиболее богатых усыпальницах этого могильника.

Существование культурно-этнического меньшинства в рамках единого социума фиксируют и этнографические данные. Известны случаи совместного проживания

⁴³ Виноградов В.Б. О скифских походах через Кавказ (по письменным источникам) // ТЧИНИИ. 1964. Т. 9. С. 27, 28; Мурзин. Происхождение скифов... С. 47; Махортых. Скифы на Северном Кавказе... С. 103.

⁴⁴ Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 388 сл.; Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н.э.). Грозный, 1972. С. 29.

⁴⁵ Ковалевская В.Б. Роль скифов в этногенезе местных северо-кавказских племен // Известия АН ГрузССР. Серия истории, археологии, этнографии и истории искусств. 1985. Т. 3. С. 52–59.

⁴⁶ Галанина. К проблеме взаимоотношений скифов с меотами... С. 156 сл.; Галанина, Алексеев. Ук. соч. С. 53.

двух разновеликих племен, которые хотя и вступают в смешанные браки, все же сохраняют свою самобытность и своеобразие⁴⁷.

Некоторые исследователи склонны отождествлять келермесские и другие богатые курганы Закубанья архаической поры со скифским царским некрополем Герросом⁴⁸. По-видимому, в известном смысле можно полагать, что на лесистых склонах приайрюмского плато скрывались могилы предков, но общий облик Келермесского могильника не позволяет видеть в нем ту самую святыню скифов, тот древний царский некрополь, о котором упоминал Геродот⁴⁹. Скифские погребения на Северном Кавказе, представленные как курганными могильниками, так и единичными насыпями VII–V вв. до н.э.⁵⁰, фиксируют зоны обитания и кочевания, закрепленные за определенными подразделениями ираноязычных номадов. Судя по пространственной распыленности этих погребальных памятников с присущими им локальными отличиями, судьба каждой региональной группы складывалась индивидуально, и они вряд ли были связаны между собой военно-политическими узами. Поэтому, вероятнее всего, единого скифского центра, а тем более Скифии как потестарного образования на Северном Кавказе не существовало. Тем не менее в архаический период основная масса скифов концентрировалась, несомненно, в этом регионе⁵¹, а в местах, контролируемых ими, не позднее середины VII в. до н.э. возникли очаги скифской культуры, которые базировались на местной экономической и производственной основе – кобанской в Центральном и Северо-Восточном Предкавказье и меотской на Левобережье Кубани.

Тесное соседство, а иногда и совместное проживание пришельцев с коренными обитателями Закубанья способствовало скифизации раннемеотской культуры, что сказалось, например, в некоторых заимствованиях из кочевнической погребальной практики. В VII–VI вв. до н.э. отмечается прочное укоренение обычая погребения местной родо-племенной знати в подкурганных могилах в сопровождении конских захоронений и инвентаря преимущественно скифского типа. С этого же периода в меотской аристократической среде глубоко и надолго прививается искусство скифского звериного стиля, чему способствовало, по-видимому, наличие иранского этнического пласта среди меотов. Но особенно сильно скифское влияние затронуло сферу кубанской материальной культуры и производства.

Общеизвестно, что и сама скифская культура представляла собой не монолитное, а многокомпонентное явление, включавшее привнесенные центрально- и переднеазиатские, а также местные элементы⁵². Келермесские древности в силу их исключительного разнообразия позволяют почти всеобъемлюще охарактеризовать все три категории вещей, образующих скифский комплекс материальной культуры. Восточноевразийское происхождение (Центральная и Средняя Азия, Южная Сибирь) имеют бронзовые стремечковидные удила, двухлопастные втульчатые наконечники стрел, зеркала с петельками, возможно, отдельные виды наверший, переносные каменные жертвенники, а также основной сюжетно-стилистический фонд скифского изобразительного репертуара, воплощенный на многих изделиях из Келермеса (лежащий олень, свернувшаяся и приноживающаяся пантера, кабан на цыпочках и т.д.). К переднеазиатским прототипам восходят защитные доспехи (шлемы, панцири), уздеч-

⁴⁷ Артаковский С.Н. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур. Л., 1969. С. 14.

⁴⁸ Ельницкий Л.А. Скифия евразийских степей. Новосибирск, 1977. С. 116; Михайлов Б.Д. К вопросу о локализации Геродотовского Герроса // ПССА. Тез. докл. 1989. С. 91 и др.

⁴⁹ Herod. IV. 71, 127.

⁵⁰ Махортых. Скифы на Северном Кавказе... С. 114–118. Автор составил самую полную сводку подобных памятников, но в нее вошли также комплексы, скифская принадлежность которых недостаточно очевидна.

⁵¹ Виноградов Ю.А., Марченко К.К. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // СА. 1991. № 1. С. 37.

⁵² Мурзин. Скифская архаика... С. 66 сл.; Клочко В.И., Мурзин В.Ю. О взаимодействии местных и привнесенных элементов // Скифы Северного Причерноморья. Киев, 1987. С. 14.

ные наборы с крупными налобниками и фаларами, сбруйные колокольчики, а также некоторые мотивы и иконографические схемы, вошедшие в скифское искусство. Кроме того, выделяются предметы, истоки которых прослеживаются в закавказском регионе. Это железные секиры, ведущие начало от бронзовых боевых топориков колхидо-кобанского круга, трубчатые наворачия, а также биконические с многорядными треугольными прорезями. Основой для формирования железных акинаков с бабочковидным навершием послужили бронзовые мечи и кинжалы кабардино-пятигорского типа. К местным закубанским элементам в скифских погребениях Келермеса относится лепная глиняная посуда, глиняная галька (один случай) и обычай помещения в могилу не целого корытообразного или овального каменного жертвенника, а только его части. В системе конского убранства фиксируются пережитки новочеркасского этапа.

Мощное скифское влияние не помешало широким массам меотского населения сохранить прежний образ жизни, своеобразные обычаи и основной культурный генофонд. Вместе с тем оно способствовало переориентации местного общества на создание новых материальных и культурных ценностей, больше отвечавших духу времени. По данным А.А. Иессена, в начале скифской эпохи особенно активизировалась деятельность мастеров, связанных с металлургией и обработкой цветных металлов. Продолжая производственные традиции, уходящие корнями еще в эпоху поздней бронзы, опытные ремесленники отливали из бронзы по утраченным моделям самые разнообразные предметы скифского типа: от миниатюрных наконечников стрел до прекрасных зооморфных изделий и громадных котлов⁵³.

Значительное расширение источниковедческой базы за последние годы и появление работ, посвященных анализу отдельных категорий вещей, подтвердили правоту А.А. Иессена и позволили более рельефно высветить роль Северо-Западного Кавказа в качестве одного из ведущих очагов раннескифской культуры на территории Восточной Европы⁵⁴. Так, изучение келермесских древностей показало, что в этом регионе значительно раньше, чем в степях Северного Причерноморья, появились такие виды уздечного снаряжения, как бронзовые птицеголовые и костяные зооморфные пронози, деревянные псалии с костяными зооморфными наконечниками и железные с птичьими головками на концах, бронзовые перстневидные, а также петельчатые бляшки с зооморфными щитками, крупные налобные пластины и, наконец, нагайки с рукоятями, обвитыми спирально-изогнутыми золотыми лентами⁵⁵.

Можно не сомневаться, что весьма представительная серия роговых уздечных поделок из Келермеса, изображающих головки баранов, грифо-баранов и другие популярные мотивы раннескифского звериного стиля, которые по своим художественным достоинствам не имеют себе равных среди подобных находок в других этнокультурных регионах (Среднее Приднепровье, Центральное Предкавказье, Закавказье и Ближний Восток – Кармир-Блур, Сарды, Норшун-тепе и др.), изготовлена местными костерезами, создавшими подлинные шедевры мелкой пластики. По-видимому, закубанским изобретением являются железные удила с раскованными концами, внутри которых пробито круглое отверстие. Как полагает В.Р. Эрлих, на Левобережье Кубани зародилась традиция изготовления петельчатых псалиев. По его мнению, в меотской среде были созданы прототипы некоторых видов

⁵³ Иессен А.А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки // МИА. 1951. № 23. С. 122.

⁵⁴ О существовании подобных очагов раннескифской культуры в лесостепной части Северного Причерноморья см. Ильинская В.А. Скифы Днепровского Левобережья (курганы Посулья). Киев, 1968. С. 174; Скорый С.А. О скифском этнокультурном компоненте населения Днепровского Лесостепного Правобережья // Археология. 1987. Вип. 60. С. 42; Смирнова Г.И. Культурно-исторические процессы в бассейне Среднего Днестра в конце II – первой половине I тысячелетия до н.э.: Дис. д-ра ист. наук. Киев, 1990. С. 32, 34.

⁵⁵ Галанина Л.К. Раннескифские уздечные наборы (По материалам Келермесских курганов) // АСГЭ. 1983. 24. С. 52.

железных наконечников копий и бронзовых кинжалов кабардино-пятигорского типа, на основе которых возникли скифские железные мечи с бабочковидным перекрестьем⁵⁶. Вероятно, на Северо-Западном Кавказе и, скорее всего, в Закубанье, функционировала оружейная мастерская, выпускавшая литые бронзовые шлемы с лицевым вырезом, так как из шестнадцати обнаруженных экземпляров семь связываются с этим краем, два неизвестного происхождения, остальные рассредоточены по разным областям Евразии⁵⁷.

Своеобразную и единую в технологическом отношении группу изделий образуют четыре орнаментированных бронзовых котла из Келермеса. По целому ряду параметров они напоминают северопонтийские образцы солохско-чертомлыкского типа, но отличаются от них несколько иной схемой изготовления⁵⁸.

Меотский вклад в раннескифский комплекс материальной культуры демонстрируют бронзовые навершия. Т.Б. Барцева на основе спектрального анализа девяти из двадцати девяти келермесских экземпляров (с шаровидными бубенцами, биконическими, а также грушевидными, увенчанными головками грифонов) пришла к выводу, что все они отлиты из северокавказского сырья (в основном из оловянистых бронз, за исключением шаровидных наверший, сделанных из чистой меди) и изготовлены, очевидно, в Прикубанье⁵⁹. В пользу этого свидетельствуют, на наш взгляд, и количественные показатели: из 62 северокавказских архаических находок 58 приходится на Закубанье, одна и три встречены соответственно в Нартанском и Краснознаменском могильниках. Причем бронзовым навершиям этих трех групп присущи специфические черты локального характера. По наблюдениям Е.В. Переводчиковой, от большинства келермесских типов ведут нити к основным разновидностям скифских наверший V–IV вв. до н.э.⁶⁰

Произведенное Н.Н. Тереховой металлургическое изучение предметов вооружения и конского снаряжения из келермесской коллекции (секиры, наконечники копий, колчаные крючки, удила и псалии) показало высокий уровень обработки черного металла, который прочно вошел в быт местного населения. Выяснилось, что почти все исследованные изделия выкованы из цементированной стали, в том числе и стержни наверший. Причем верхние расширенные концы стержней служили одним из элементов при конструировании модели и литейной формы для бронзовых шаровидных наверший, так что последние как бы приливались к стальному штырю. По отдельным показателям (высокий процент продукции с признаками перегрева металла) келермесские материалы перекликаются с нартанскими вещами и в то же время они хорошо вписываются в металлургическую группу таких кубанских памятников, как Сержень-Юрт и Уллубаганлы II⁶¹.

Все вышеизложенное позволяет не только присоединиться к мнению В.Р. Эрлиха относительно непосредственного участия закубанского населения в формировании комплекса так называемой скифской триады⁶², но и подкрепить данный тезис дополнительной аргументацией. Судя по данным Келермесского могильника, оседание скифов в Закубанье способствовало там социально-экономическому расцвету общества, увеличило пропасть между имущими и неимущими, родо-племенной знатью

⁵⁶ Эрлих В.Р. Вооружение и конское снаряжение в культуре населения Закубанья в скифское время: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1992. С. 18.

⁵⁷ Галанина Л.К. Шлемы кубанского типа (Вопросы хронологии и происхождения) // Культурное наследие Востока. Л., 1985. С. 180–182.

⁵⁸ Минасян Р.С. Литье бронзовых котлов у народов степей Евразии (VII в. до н.э. – V в. н.э.) // АСГЭ. 1986. 27. С. 68–69.

⁵⁹ Барцева Т.Б. О химическом составе металла наверший скифского времени // СА. 1980. № 3. С. 88.

⁶⁰ Переводчикова Е.В. Типология и эволюция скифских наверший // СА. 1980. № 2. С. 23–24.

⁶¹ Терехова Н.Н. Характеристика техники кузнечного производства железных изделий из Келермесских курганов и Келермесского грунтового могильника в Гиагинском районе // Меоты – предки адыгов. Майкоп, 1989. С. 103–113.

⁶² Эрлих. Ук.соч. С. 18.

и простым людям⁶³. Основу келермесского военно-политического объединения составляли рядовые общинники, которым противостояло воинское сословие (напы и палы, по Диодору Сицилийскому). Как полагает А.М. Хазанов, на примере войска Чингисхана можно видеть, что достаточно было лишь одного поколения людей, чтобы побежденные могли сражаться в рядах победителей против своих же сородичей и других враждебных сил⁶⁴.

По-видимому, изменение политической ситуации в восточной части Закубанья на рубеже VII–VI вв. до н.э., а возможно, и какие-то иные причины привели к распаду или переселению этого союза. О внутренних миграциях отдельных племен в пределах Северо-Западного Кавказа мы уже упоминали выше. Считается, что на рубеже VII–VI вв. до н.э. произошел отток части закубанских скифов в лесостепные районы Северного Причерноморья – в Посулье и бассейн р. Тясьмин⁶⁵. Оставшиеся же скифы продолжали играть далеко не последнюю роль в меотском мире вплоть до IV в. до н.э.⁶⁶ Однако, составляя меньшинство по отношению к аборигенному населению, они неизбежно подвергались миксации, все более и более интегрировались в местную этническую среду, что привело в конце концов к их естественной ассимиляции⁶⁷.

Вероятно, потомки древнейших скифов, не утратившие собственное самосознание, господствовали в районе расположения Ульской и Уляпской групп погребальных и культурных комплексов (первая относится к VI–V вв. до н.э., вторая к V–IV вв. до н.э.). По-видимому, эллинизированным скифо-меотам принадлежали Елизаветинские курганы (V–IV вв. до н.э.). Именно в этих памятниках улавливаются черты погребальной традиции, берущей начало в Келермесе. Это – сочетание скифских курганных усыпальниц с меотскими грунтовыми некрополями, специфический ритуал многочисленных конских захоронений (расположение лошадей рядами внутри и на верхнем обресе могил), подкурганые объекты различного назначения на уровне древнего горизонта (например, кенотаф или жертвенный комплекс в Келермесском кургане 29/1988 г., святилища в Уле и Уляпе), углубленные в материк подквадратные могилы, каменные жертвенники, маркирующие центр (мировой столп) подкурганного пространства⁶⁸.

Следует отметить, что в нашей литературе уже бытуют суждения в пользу скифской этнической атрибуции Елизаветинских и Ульских курганов⁶⁹. В рассматриваемом аспекте повышенный интерес вызывают специализированные святилища, возведенные под насыпями Ульского кургана 1/1898 г. и семи Уляпских курганов. Эти памятники тщательно исследованы Ф.Р. Балоновым, который в дополнение к индоарийским аналогиям, подобранным Л.А. Лелековым для Большого Ульского кургана, привел множество иранских соответствий, приложимых ко всей группе этих памятников⁷⁰. В частности, ему удалось выявить в них элементы ритуалов, сходные

⁶³ Галанина, Алексеев. Ук.соч. С. 51–53.

⁶⁴ Хазанов А.М. Социальная история скифов. М., 1975. С. 216.

⁶⁵ Ильинская. Скифы Днепровского Левобережья... С. 174–180; Скорый. О скифском этнокультурном компоненте... С. 36 сл.

⁶⁶ Ждановский А.М., Марченко И.И. Ираноязычные кочевники в Прикубанье // ПССАСП. 1989. С. 47.

⁶⁷ Под межэтнической интеграцией в этнографии понимается появление определенной культурной общности (при сохранении основных этнических черт) у существенно различающихся по своим языковым параметрам основных этнических единиц в результате их тесного общения. Взаимодействие разнородных этносов ведет к этнической миксации или ассимиляции (Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1982. С. 239 сл.).

⁶⁸ ОАК за 1898 г. СПб., 1901. С. 30, 31; ОАК за 1909–1910 гг. СПб., 1913. С. 156; ОАК за 1912 г. СПб., 1916. С. 58, 59; ОАК за 1913–1915 гг. Пг., 1918. С. 149 сл.; Лесков А.М. Сокровища курганов Адыгеи. М., 1985. С. 70 сл.

⁶⁹ Ильинская, Тереножкин. Скифия... С. 68–69, 222; Мурзин. Скифская архаика... С. 33; Махортых. Скифы на Северном Кавказе... С. 114.

⁷⁰ Балонов Ф.Р. Святилище скифской эпохи в Адыгее (Интерпретация курганов на р. Уль) // Скифо-сибирский мир. Новосибирск, 1987. С. 38 сл.

со скифскими обрядами, связанными с культом Ареса, в которых главное место отводилось старинному железному мечу, воткнутому на вершине алтаря из хвороста, а также человеческим, конским и иным жертвам, совершаемым в часть этого фетишизированного божества⁷¹. По мнению автора, весь Ульско-Уляпский район имел в VI–IV вв. до н.э. статус священных земель для носителей культуры, близкой скифской, подобно упоминаемому Геродотом Эксампаю (Священным путям) у Гипаниса (Южного Буга)⁷².

В связи с этим примечательны три побужских кургана рубежа V–IV вв. до н.э. (два у с. Кальник Винницкой обл. и один у с. Редвицы Хмельницкой обл.), которые, как показала С.С. Бессонова, имеют так много общего с Уляпскими курганами и в конструкции, и в деталях обряда (жертвоприношения людей и животных, расчлененный скелет, протянутая вперед правая рука, приношения в виде керамики, украшений, предметов вооружения и конской упряжи), что их культовый характер не вызывает ни малейших сомнений⁷³.

Последнее, на чем следует заострить внимание, это довольно высокий процент вещей скифского облика даже в грунтовых могильниках Уляпа (бронзовое зеркало с ручкой-петелькой, 30 железных акинаков, бронзовые наконечники стрел), не говоря уже о святилищах Ульско-Уляпской групп и Елизаветинских курганов, где кроме подобных и других скифских изделий встречены разнообразные образцы искусства звериного стиля⁷⁴.

Между тем местная основа оказалась настолько жизнестойкой, что уже с V в. до н.э. начинается постепенный отход от скифского воздействия и возврат к собственному формотворчеству. В результате к IV в. до н.э. кубанская культура приобретает отчетливо выраженный меотский характер, сохраняя при этом отдельные скифские черты. Скифские акинаки и колчаные наборы почти вытесняются длинными меотскими мечами без металлического перекрестья и железными наконечниками стрел. Происходят изменения в уздечном снаряжении (появляются, например, колесовидные налобники, псалии с пластинчатыми зооморфными завершениями и т.д.). С IV в. до н.э. входят в обиход местные кованые шлемы типа даховских наголовий. В.Р. Эрлих объясняет все эти новшества активизацией отношений местных племен с Боспорским царством с привлечением их в качестве союзников греков для решения военных конфликтов⁷⁵. Имеются и другие данные о тесных контактах с боспорянами: употребление местами однолезвийных мечей, наподобие греческих махайр; появление бронзовых кованых зеркал кубанского типа, подражающих литым греческим зеркалам без боковой ручки⁷⁶; среди популярной с V–IV вв. до н.э. меотской сероглиняной посуды, сделанной на гончарном круге, встречаются амфоровидные кувшины, канфары и другие сосуды, напоминающие античные формы⁷⁷.

Вершиной творческих возможностей местных мастеров V–IV вв. до н.э. являются зооморфно-орнаментированные изделия (уздечные комплекты, навершия и др.), в которых изначальная скифская основа скрестилась с элементами греко-персидской, фракийской и, возможно, кобанской изобразительных систем. В результате этого сплава в бассейне Кубани родилось достаточное сильное и самостоятельное искусство

⁷¹ Herod. IV. 62.

⁷² Балонов. Ук. соч. С. 43.

⁷³ Бессонова С.С. Культурные сооружения скифского времени в Побужье // I Кубанская археологическая конф. Тез. докл. Краснодар, 1989. С. 53–54.

⁷⁴ Лесков. Ук. соч. Кат. № 115, 118, 123–139, 144–146, 353 и др.; Беглова Е.А. Погребальный обряд уляпских грунтовых могильников в Красногвардейском районе // Меоты – предки адыгов. Майкоп, 1989. С. 144–145; ОАК за 1913–1915 гг. Пг., 1918. С. 150 сл.

⁷⁵ Эрлих. Ук. соч. С. 5–6, 9, 10, 15, 18.

⁷⁶ Галанина Л.К. Курджипский курган. Л., 1980. С. 62.

⁷⁷ Анфимов Н.В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской // МИА. 1951. 23. С. 166 сл.; Каменецкий. Меоты... С. 237.

звериного стиля⁷⁸, отличающееся самобытностью и выразительностью образов, изяществом рисунка, оригинальностью композиций.

Кратко суммируя сказанное, необходимо отметить, что начиная с предскифского периода Северо-Западный Кавказ оказался в гуще важнейших событий, охвативших в VIII–VII вв. до н.э. большинство областей Евразии.

Оседание на Левобережье Кубани отдельных групп номадов в период их переднеазиатских походов (а возможно и раньше) обусловило смешанный этнокультурный состав местного населения, включавшего, помимо кавказцев, ираноязычные племена. С VI в. до н.э., но особенно после образования Боспорского царства, заметную роль стал играть античный фактор, проявлявшийся как в области торгово-экономических отношений, так и в политической сфере. С древнейших времен этот регион был тесно связан также и с соседним кобанско-колхидским миром.

Однако ни политическая зависимость части меотских племен сначала от скифов, затем от северопонтийских греков, ни этнические скрещивания не привели к исчезновению исконной оседло-земледельческой меотской культуры. Напротив, разносторонние связи, контакты и влияния положительно сказались на социально-экономическом развитии кубанского общества. И это закономерно, так как на протяжении всей мировой истории, по мнению С.Н. Артановского, "действуют законы, согласно которым заимствования дополняют внутреннее развитие, служат одним из источников обогащения и совершенствования культур"⁷⁹.

Аналогичные процессы происходили в VII–V вв. о н.э. на Правобережье Днепра, бывшего, подобно Северо-Западному Кавказу, центром развитой земледельческо-скотоводческой культуры и металлообработки, что и привлекло туда скифов-завоевателей. Но в отличие от Прикубанья скифский этнический компонент в Северном Причерноморье неоднократно пополнялся в течение этого периода новыми группами пришельцев. В архаическую эпоху в "родные пенаты" возвращаются остатки участников переднеазиатских походов, а по обеим сторонам Днепра расселяются части закубанских и северокавказских скифов⁸⁰. На рубеже VI–V вв. до н.э. из глубин Евразии приходит новая волна ираноязычных номадов. Консолидация степных племен и подчинение им оседлых земледельцев приводит в конце концов к образованию Великой Скифии – потестарного общества с военно-иерархической структурой⁸¹. К IV в. до н.э. Прикубанье тоже находилось на стадии становления государства⁸², и в это же столетие оба восточноевропейских региона подверглись нашествию новых ираноязычных племен⁸³, на сей раз в лице сарматов.

Л.К. Галанина

⁷⁸ *Переводчикова Е.В.* Локальные черты скифского звериного стиля Прикубанья // *СА.* 1987. № 4. С. 55.

⁷⁹ *Артановский.* Историческое единство... С. 251.

⁸⁰ *Скорый.* О скифском этнокультурном компоненте... С. 42.

⁸¹ *Мурзин В.Ю., Павленко Ю.В.* Формирование раннеклассового общества на территории Украины. Киев, 1989. С. 25, 41; *Алексеев А.Ю.* Скифская хроника. СПб., 1992. С. 7.

⁸² *Ждановский, Марченко.* Ираноязычные кочевники в Прикубанье... С. 9.

⁸³ *Марченко И.И.* Проблемы этнической истории сиракского союза в Прикубанье // *Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа.* Краснодар, 1988. С. 68. сл.; *Каменецкий.* Меоты... С. 249.

ON THE KUBAN CENTRE OF EARLY SCYTHIAN CULTURE

L.K. Galanina

The article considers the role of the north-western Caucasus in the formation of the complex of early Scythian culture. In the opinion of the author intensive cultivation of Maeotian lands beyond the Kuban river by the Scythians began at about mid VIIth c. B.C. as a result of the influx of some nomadic contingencies of the Ishpakaya-Partatua generation to the North Caucasus from Near East.

Despite close proximity and sometimes life together with the newcomers and even political dependence on them, the indigenous population of the Kuban area preserved its former way of life and peculiar customs. However, the powerful Scythian impact promoted reorientation of the creative potential of Maeotian society toward the creation of new material and cultural values more consonant with the spirit of the times. The local population took an active part in the formation of the elements of the so-called Scythian triad.

Thus many kinds of nomadic bridle equipment and cult pommels, including those decorated in the Scythian animal style, appeared in the Kuban area earlier than in the Northern Black Sea region. Prototypes of some varieties of iron spearheads and bronze daggers which led to the appearance of the Scythian acinaces with a butterfly-shaped guard came into being in the Kuban area.

The presence of the Scythians in the Kuban area contributed to the further socioeconomic development of that region. Meanwhile the local base turned out to be so viable that since the Vth c. B.C. a return to the indigenous forms of workmanship began. In the IVth c. B.C. Kuban culture acquired clearly expressed Maeotian nature, at the same time preserving some Scythian features.

© 1997 г.

ОПИСАНИЕ ИНДИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В «ИНДИКЕ» МЕГАСФЕНА

Немногие персонажи истории классической древности привлекали к себе столь пристальное внимание исследователей, как антиковедов, так и индологов, как Мегасфен – посол Селевка Никатора ко двору индийского царя Чандрагупты Маурья. Им была составлена «Индика» – сочинение, определившее место Индии в греко-римской культуре на многие столетия. С самого зарождения индологии как научной дисциплины античные источники активно использовались при исследовании древней истории Индии, и «Индика», дошедшая до современного читателя лишь во фрагментах, пересказанных более поздними авторами, играла среди них первостепенную роль, тем более что маурийская Индия весьма слабо освещена местными синхронными источниками¹. Между тем несмотря на почти 150-летнюю дискуссию² «мегасфеновский вопрос» остается весьма запутанным. В ходе многолетнего изучения этого произведения как индологами, так и антиковедами, методика работы с этим произведением, и его жанровая принадлежность все еще остаются спорными. Информация Мегасфена, за редким исключением³, прямолинейно сопоставляется с

¹ *Бонгард-Левин Г.М.* «Индика» Мегасфена и надписи Ашоки. М., 1960. С. 1–2; *он же.* Индия эпохи Маурьев. М., 1973. С. 17–18.

² Первое исследование, специально посвященное Мегасфену, вышло еще в середине XIX в.: *Schwanbeck E.A.* Megasthenes' Indika. Bonn, 1846.

³ Среди них следует упомянуть работы Г.М. Бонгард-Левина, в которых рассматривается информация Мегасфена о высшем чиновничестве маурийской Индии: *Бонгард-Левин Г.М.* Древнеиндийские *gāja-sabha* и *gāja-pariṣad* в «Индике» Мегасфена // ПВ. 1959. № 2. С. 158–161; *Bongard-Levin G.M.* Ancient India and the Graeco-Roman World // *Indologia Taurinensia*. V. XIII. Torino, 1985–1986. P. 176. Анализ этого сюжета содержится в работе Г.М. Бонгард-Левина и Г.Ф. Ильина «Индия в древности» (М., 1985. С. 224; ср. об этом в рецензии на эту книгу: *Вигасин А.А.* // ВДИ. 1987. № 1. С. 234), а также в статьях Л. Рочера и Дж.Д.М. Дерретта, рассматривающих сообщения Мегасфена о судебном процессе в Индии: *Rocher L.* Megasthenes on Indian Lawbooks // JOIB. 1957. P. 125–128; *Derrett J.D.M.* Two Notes on Megasthenes Indika // JAOS. 1968. V. 88. N 4. P. 776–781.